

Особенности системы семейных ценностей поколения Z

Елена В. Григорьева^{a, ID¹}; Нурия Р. Хакимова^{a, @, ID²}

^a Кемеровский государственный университет, Россия, г. Кемерово

@ khakimova@kemsu.ru

ID¹ <https://orcid.org/0000-0002-9005-7494>

ID² <https://orcid.org/0000-0002-4191-2220>

Поступила в редакцию 24.09.2020. Принята к печати 16.11.2020.

Аннотация: Исследованы особенности семейных ценностей поколения Z. В качестве методов исследования использованы опрос посредством самостоятельно разработанной анкеты и анкеты С. С. Носова «Семейные ценности», а также психодиагностика по методике В. Ф. Сопова, А. В. Карпушиной «Морфологический тест жизненных ценностей». В сравнительном исследовании показано, что содержательные характеристики семейных ценностей поколения Z и поколения Y имеют сходства и различия, при этом различия преобладают в сфере супружества и родительства, а сходства – в сфере родства. Для поколения Z характерны приемлемость сожительства, тенденция к более позднему замужеству, сокращение разрыва между оптимальным возрастом вступления в брак мужчин и женщин, сближение возраста рождения первого ребенка у мужчин и женщин, переход к эгалитарному типу семьи. В общей иерархии жизненных ценностей поколения Z значимо выше ценность духовного удовлетворения, а значимо ниже – достижения, по сравнению с поколением Y. В иерархии ценностей в сфере семейной жизни для поколения Z большее значение имеет духовное удовлетворение, саморазвитие, сохранение индивидуальности и активные социальные контакты. Результаты исследования могут быть использованы в подготовке молодых людей к семейной жизни и позволяют расставить необходимые акценты при разработке и реализации соответствующих программ.

Ключевые слова: ценностные ориентации, семья, семейная жизнь, жизненные сферы, теория поколений, поколение Y

Для цитирования: Григорьева Е. В., Хакимова Н. Р. Особенности системы семейных ценностей поколения Z // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 4. С. 982–991. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-982-991>

Введение

Интерес к исследованию проблем семьи отличается стабильностью в современных условиях динамичной реальности. В фокусе научной проблематики семьи сосредоточено внимание специалистов разных областей – психологов, социологов, педагогов, социальных работников, врачей и юристов [1–9], что обусловлено ролью и местом семьи в жизни общества. Сегодня поддержка семьи в нашей стране обеспечена Конституцией РФ и обоснована в ряде национальных проектов, таких как «Демография» (2019–2024 гг.). В то же время результаты многочисленных исследований подтверждают факт трансформации современной семьи, что нельзя не учитывать в стратегическом планировании социального развития [4; 7; 9; 10]. В. В. Локосов называет одним из направлений решения социальных и демографических проблем возврат части населения России к традиционным семейным ценностям, подразумевая в первую очередь население репродуктивного возраста [6]. В этой связи актуален анализ семейных ценностей молодежи как динамической системы, регулирующей отношения на личностном и социальном уровнях.

Семейные ценности определяются как положительные или отрицательные показатели значимости объектов, относящихся к основанной на единой совместной деятельности

общности людей, связанных узами супружества – родительства – родства, в связи с вовлеченностью этих объектов в сферу человеческой жизнедеятельности, человеческими интересами, потребностями, социальными отношениями [7; 8]. Опираясь на роль ценностных ориентаций в обеспечении функций семьи, И. П. Лотова выделяет внутрисемейные и внесемейные ценности [7]. Е. В. Мжельская дифференцирует базовые ценности семьи и различных брачно-семейных сфер [8]. Внутрисемейные ценности, как и значимость брачно-семейных сфер, представлены ориентациями на супружество, родительство и родство.

В контексте цивилизационной принадлежности ценностей И. П. Лотова подчеркивает тенденцию структурных изменений семейных ориентаций и переход от традиционных ценностей – родства – к современным и постсовременным – ценностям родительства и супружества [7]. Проявленность тенденции обусловлена различными социальными и психологическими факторами – региональными особенностями, уровнем урбанизации, этнической и религиозной принадлежностью, возрастной и профессиональной спецификой. Например, в исследовании Н. А. Сосновской в Республике Беларусь установлен общий для всех респондентов выборки приоритет родительства, при этом в группе молодых респондентов выборки обнаружен приоритет

супружества [9]. Подобные результаты, указывающие на специфику структурных изменений семейных ценностей, выявлены в кросскультурном исследовании Ж. Оюунсүрэн и В. В. Ермолаева на примере России и Монголии [5], в исследованиях Ю. Р. Вишневого и М. В. Ячменевой на примере Свердловской области [2], в работе З. А. Аксютинной и О. А. Озеровой на примере сельского социума Омской области [1]. В целом исследователи подчеркивают противоречивость семейных ориентаций, что проявляется в дисгармонии их структуры и содержания и говорит о трансформации системы семейных ценностей.

На основании изложенного представляется перспективным анализ семейных ценностей в рамках поколенческого концепта, создавшего определенный дискурс в научных изысканиях системы ценностей личности и социальных общностей [11–20]. Обращение к теории поколений, предложенной Н. Хоувом и В. Штраусом, оценивается неоднозначно и зарубежными, и отечественными исследователями. Так, S. M. Campbell и др. ставят вопрос о важности поколенческого конструкта и о методологических сложностях исследования поколений, одновременно обозначая возможности снятия ограничений для решения актуальных практических и прогностических задач [11]. В работе E. Parry и P. Ugwin отмечается значимость теоретической основы исследования поколений, но предлагается найти более весомые социальные и экономические критерии для эмпирической проверки различий между поколениями [12].

В ряду дифференцирующих и идентифицирующих признаков поколений В. И. Пищик выделяет тип ментальности поколений, в ядро которого включены ценности. При этом автор подчеркивает значение исходных методологических рассуждений и определяет поколение как группу в классическом подходе и как способ понимания мира – в неклассическом подходе в психологии [13].

Т. Д. Марцинковская, Н. С. Полева отмечают закономерность обращения к сравнительным исследованиям поколений в эпоху транзитивности, определяя поколение как одну «из форм неструктурированной большой группы, объединяющей людей с общими социальными представлениями, ценностными ориентациями и отношением к миру» [14, с. 28]. Идентификация с поколением происходит преимущественно в подростковом возрасте, в котором, по мнению В. И. Пищик, ведущим механизмом идентификации с поколением является ценностный механизм [13].

М. С. Яницкий, анализируя вклад теории поколений в изучение ценностных ориентаций, видит исследовательский потенциал данного подхода в психологических работах. Суть подхода заключается в том, что каждое поколение имеет свою шкалу ценностей, заданную «социальной эрой», и соответственно специфичное отношение к действительности. В понимании Н. Хоува и В. Штрауса поколение представляет собой совокупность всех родившихся в определенный временной период, равный приблизительно 20 годам. Самое молодое поколение названо

авторами «поколением Z» и представлено молодыми людьми, рожденными начиная с 1995 года [16; 21].

Спецификой общественно-исторического периода, на который пришлось детство и подростничество поколения Z, является бурное развитие и распространение компьютерных технологий и новых средств коммуникации. Особая роль новых технологий в жизни поколения Z позволяет называть их *Net Generation*, *Digital Natives*, *Homelanders*, *интернет-поколение*, *цифровые люди*. Повышение технологичности среды повлекло ряд закономерных приспособительных реакций у подрастающего поколения на всех уровнях адаптации. Исследователи обозначают сферы психики и области жизнедеятельности поколения Z – от психофизиологии до профессиональной деятельности, которые подверглись трансформирующим воздействиям информационной эпохи. Так, А. Б. Кулакова пишет, что на уровне психофизиологического развития изменилась нейродинамика психических процессов, что проявляется как повышенная возбудимость, неусидчивость, впечатлительность представителей поколения Z [17]. Особенности познавательных процессов поколения Z признаются клиповость мышления, быстрая переключаемость, фрагментарность сознания, что в свою очередь формирует способность работать в условиях многозадачности. Характеристика личностного развития поколения Z демонстрирует его противоречивость, поскольку, с одной стороны, исследователи подчеркивают социально обусловленный инфантилизм, а с другой – самоуверенность, тягу к независимости, наличие собственной точки зрения, индивидуализм [16; 17].

Общение молодого поколения происходит преимущественно в сети, а его специфика проявляется в парадоксе дефицита эмоционально близкого общения в условиях бесконечного потока виртуальных контактов. При этом в сфере межличностных отношений поколение Z отличается дружелюбностью, готовностью сотрудничать, помогать и способствовать развитию партнера. Исследователи отмечают сформированный эмоциональный интеллект и рефлексивность поколения Z в контакте [17].

Анализ нравственной сферы поколения Z выявил факты пренебрежения моралью, «смягчение» ее норм, возможность обмана для достижения цели, акцент на воздействие обстоятельств в ситуациях выбора [17; 22; 23]. В целом ответственность поколения Z носит краткосрочный и инструментальный характер. Подобная интенция наблюдается у молодых людей и в отношении образования и профессионализма, которые рассматриваются как ресурс, и далеко не всегда интересный [17]. В исследованиях М. С. Иванова, М. С. Яницкого, А. В. Серого обнаружено проявление «мобилистической тенденции» у представителей поколения Z, что выражается в непривязанности к своему месту жительства, окружению. По мнению авторов, данная тенденция реализуется как стратегия обеспечения безопасности, присущая «номадам постмодерна», что, по нашему мнению, также соотносится с идеей «краткосрочности и инструментальности» [18; 19].

Система ценностей поколения Z отличается ориентацией на духовные аспекты бытия, что согласуется с «постматериальной направленностью» развития в условиях постмодернистского общества [16]. Так, в сравнительном исследовании С. Ю. Моховой выявлен приоритет ценности духовного удовлетворения в иерархии терминальных ценностей поколения Z, тогда как у поколения Y в приоритете собственный престиж, а у X – высокое материальное положение [20].

В целом отметим, что ряд характеристик и проявлений, присущих поколению Z, отличается противоречивостью. Например, отношения с родителями носят партнерский характер на фоне мировоззренческого разрыва. Или пример общения молодых людей, которое занимает огромный массив жизненного пространства и времени, но носит виртуальный характер без выраженной потребности в живом, реальном контакте. При этом большинство молодых людей входят в различные интернет-сообщества, привержены идеям виртуальных групп, но в сфере межличностных отношений независимы и самодостаточны. В этой связи еще раз подчеркнем рост инструментальности в различных сферах жизни поколения Z. Необходимо отметить роль определенных факторов – социально-демографических и этнокультурных, оказывающих влияние на дифференциацию характеристик поколений, в том числе поколения Z, что подкреплено результатами исследований [16; 21].

Наши собственные исследования духовно-нравственной сферы личности молодежи обнаружили особенности содержания и иерархии их ценностных ориентаций в связи с ценностным типом. Нами выявлено, что семья определяется молодыми людьми как самостоятельная ценность в ряду духовно-нравственных ориентаций, а счастливая семейная жизнь входит в блок предпочитаемых ценностей [24]. Полученные данные сопоставимы с результатами С. Ю. Моховой, показавшей, что семейная жизнь занимает приоритетные позиции в иерархии жизненных сфер поколения Z [20]. В исследовании А. А. Реана указан приоритет семьи в структуре ценностных ориентаций молодых россиян [10]. Все это подтверждает ценность семьи для современной молодежи, но актуализирует исследование понимания содержательной стороны этой ценности.

Основываясь на положениях теории Хоува-Штрауса и работах М. С. Яницкого, А. В. Серого, О. А. Браун, М. С. Иванова, нами проведено исследование с целью выявления особенностей системы семейных ценностей поколения Z. В исследовании проверялась гипотеза о существовании различий в иерархии компонентов семейных ценностей поколения Z и поколения Y. Интерес к результатам сравнительного исследования обусловлен как исходным отличием респондентов – принадлежностью к разным возрастным когортам, так и сходством – пребыванием респондентов в репродуктивном периоде развития.

Методы и материалы

Исследование проводилось весной 2020 г. Участниками стали 104 человека, проживающие в Кемеровской области.

В экспериментальную группу (ЭГ) вошли 70 представителей поколения Z в возрасте 17–23 лет. Контрольную группу (КГ) составили 34 представителя поколения Y в возрасте 26–40 лет. Группы уравновешены по полу. Распределение респондентов по семейному положению в группах следующее: в ЭГ 46 % не состоят в отношениях, 34 % состоят в отношениях, 10 % состоят в незарегистрированном браке (сожительство), 10 % состоят в браке. В КГ – 37 % не состоят в отношениях, 33 % состоят в отношениях, 12 % состоят в незарегистрированном браке (сожительство), 18 % состоят в браке. По роду деятельности в ЭГ 89 % – студенты вузов, из них 8,6 % совмещают учебу с работой; 4 % – студенты колледжей; 3 % – учащиеся школ; 3 % – работают; 1 % – не заняты. В КГ – 91 % работают, из них 5,9 % совмещают работу с получением высшего образования; 9 % – не заняты.

Основными методами исследования стали опрос с помощью самостоятельно разработанной анкеты, анкеты С. С. Носова «Семейные ценности» [25] и психодиагностика по методике В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной «Морфологический тест жизненных ценностей» (МТЖЦ) [26]. Самостоятельно разработанная анкета использовалась для выявления мнения респондентов о ценностях супружества, ценностях родительства и ценностях родства. На основе анкеты С. С. Носова проранжированы семейные ценности участников исследования. Методика В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной позволила изучить групповую систему ценностей респондентов с целью определить значимость сферы семейной жизни в системе ценностей поколения, а также выявить структуру терминальных ценностей внутри сферы семейной жизни. Первичные данные обрабатывались методом математической статистики посредством сравнительного анализа с расчетом критерия Стьюдента в программе Statistica 10.0.

Результаты

Ответы респондентов на вопросы анкеты, посвященные супружеским отношениям, показали преобладание положительного отношения поколения Z к сожительству – 60 % (Z) против 41 % (Y). При этом оба поколения одобряют заключение брачного союза – 61 % (Z) и 67 % (Y). Однако представители поколения Z в отличие от представителей поколения Y склоняются к более позднему вступлению в брак – после 26 лет, а разрыв между оптимальным возрастом для вступления в брак у мужчин и женщин сокращается. Респонденты назвали в качестве причин вступления в официальный брак любовь, желание создать семью, а также беременность и рождение ребенка. Для поколения Y важной причиной является независимость от родителей – ее назвали 18 % опрошенных КГ и только 4 % респондентов ЭГ. Представители обоих поколений единогласны в том, что для создания семьи необходимо иметь работу и постоянный доход, так считают 50 % (Z) и 59 % (Y). О трансформации семьи в эгалитарный тип свидетельствует ответ 79 % испытуемых поколения Z и 63 %

поколения Y – главой семьи должны быть муж и жена вместе, они являются равноправными членами семьи.

Результаты опроса о ценностях родительства показали, что респонденты обоих поколений – 54 % (Z) и 56 % (Y) – определяют наличие собственных детей как важную составляющую семейной жизни. Равное распределение родительских обязанностей предпочитают 73 % респондентов ЭГ и 59 % – КГ. Оба поколения предпочитают вариант рождения двоих детей в семье – 40 % (Z) и 56 % (Y). Однако часть респондентов поколения Z придерживаются позиции *childfree*. Оптимальные, по мнению респондентов поколения Z, границы рождения первого ребенка как для мужчин, так и для женщин смещаются к возрасту 26–30 лет (57 %). Представители поколения Y видят разницу возрастного аспекта деторождения в зависимости от пола и считают оптимальным для рождения первенца возраст 21–25 лет для женщин (70 %) и 26–30 лет для мужчин (62 %).

При выборе стиля воспитания респонденты обеих групп отдали предпочтение демократическому стилю, а именно предоставлению ребенку возможности высказывать свое мнение, отношение, иметь право выбора – 96 % (Z) и 79 % (Y).

Опрос респондентов о ценностях родства выявил, что большинство представителей обоих поколений характеризует отношения с родственниками как близкие и доверительные. По мнению респондентов, отношения с родителями остаются близкими и после вступления в брак. Знание своей родословной больше присуще поколению Z (60 %), против Y (43 %). В целом, на наш взгляд, результаты опроса отражают трансформацию семейных ценностей под влиянием социокультурных изменений в рамках поколенческого концепта.

На следующем этапе диагностики была определена групповая иерархия семейных ценностей исследуемых поколений с помощью анкеты С. С. Носова (табл. 1). Ведущие ранги в иерархии семейных ценностей представителей цифрового поколения принадлежат общению, искренности и открытости, нежности. Низкие ранги в группе поколения Z присвоены финансовой поддержке, работе по дому, восхищению. Для представителей поколения Y ведущими семейными ценностями стали искренность и открытость, общение и посвященность семье, а наименее значимыми оказались привлекательность партнера, работа по дому и восхищение. Семья для поколения Z – это, прежде всего, отношения с партнером. Они больше, чем представители поколения Y, ценят привлекательность партнера и меньше – посвященность семье.

Далее была проведена диагностика семейных ценностей по методике МТЖЦ В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной. Выявлено, что сфера семейной жизни занимает второе место в групповой иерархии жизненных сфер у респондентов поколения Z и первое место – у поколения Y (табл. 2). В целом обе группы отдают приоритет событиям, которые происходят в жизни их семей, считают заботу о семейном благополучии значимой ценностью. При этом для поколения Z первую позицию занимает сфера увлечений. Именно хобби и своим увлечениям они предпочитают уделять несколько больше внимания, чем решению семейных проблем.

Табл. 1. Групповая иерархия семейных ценностей респондентов

Tab. 1. Group hierarchy of family values

Семейные ценности	Поколение Z		Поколение Y	
	Среднегрупповой показатель	Групповой ранг	Среднегрупповой показатель	Групповой ранг
Общение	3,09	1	3,68	2
Искренность и открытость	3,94	2	3,29	1
Нежность	4,3	3	4,91	4
Сексуальные отношения	4,69	4	5,15	5
Супруг(а) как спутник по отдыху	5,47	5	5,97	6
Привлекательность партнера	5,7	6	6,68	8
Посвященность семье	6,14	7	4,71	3
Финансовая поддержка	6,36	8	6,18	7
Работа по дому	7,41	9	7,09	9
Восхищение	7,9	10	7,35	10

Табл. 2. Групповая иерархия жизненных сфер респондентов

Tab. 2. Group hierarchy of life spheres

Жизненные сферы	Поколение Z		Поколение Y	
	Среднегрупповой показатель	Групповой ранг	Среднегрупповой показатель	Групповой ранг
Увлечения	4,97	1	4,53	5
Семейная жизнь	4,92	2	5,26	1
Профессиональная жизнь	4,67	3	4,56	4
Физическая активность	4,29	4	4,41	6
Общественная жизнь	4,10	5	5,00	2
Образование и обучение	3,37	6	4,88	3

Результаты методики МТЖЦ В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной также показали, что в общей иерархии ценностей поколения Z лидируют ценности *развитие себя, духовное удовлетворение, активные социальные контакты*. Для поколения Y более важны достижения, собственный престиж, развитие себя (табл. 3).

Табл. 3. Групповая иерархия жизненных ценностей респондентов

Tab. 3. Group hierarchy of life values

Жизненные ценности	Поколение Z		Поколение Y	
	Среднегрупповой показатель	Групповой ранг	Среднегрупповой показатель	Групповой ранг
Саморазвитие	5,46	1	5,15	3
Духовное удовлетворение	5,00	2	4,21	8
Активные социальные контакты	4,81	3	4,83	7
Сохранение индивидуальности	4,74	4	4,97	5
Креативность	4,73	5	5,12	4
Собственный престиж	4,66	6	5,21	2
Высокое материальное положение	4,31	7	4,88	6
Достижения	4,09	8	5,29	1

Прим.: Значимые различия выделены полужирным шрифтом (при $p < 0,05$).

Ценность саморазвития входит в тройку ценностей обоих поколений, но у поколения Z занимает первое место в иерархии ценностей. Для представителей поколения Z большее значение имеет стремление получать объективную информацию об особенностях своей личности, способностях и возможностях, что в свою очередь мотивирует их к самосовершенствованию. Логическим продолжением стремления к саморазвитию является духовное удовлетворение, связанное с внутренним источником удовольствия и ощущения счастья. В тройку приоритетных ценностей поколения Z входит и ориентация на активные социальные контакты, которая фактически замыкает иерархию ценностей поколения Y, что, скорее всего, связано с образом жизни поколений.

Сравнительный анализ результатов методики В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной показал достоверно значимые различия двух позиций общей иерархии ценностей – духовное удовлетворение и достижения (табл. 3). Выявлено, что ценность духовного удовлетворения достоверно более значима для поколения Z, нежели чем для поколения Y. Представители поколения Z стремятся делать только то, что интересно и что приносит внутреннее удовлетворение, а представители поколения Y больше направлены в своей деятельности на практические результаты. Соответственно ориентация на достижения достоверно выше у представителей поколения Y. По нашему мнению, эта разница ориентации поколений объяснима в рамках темпорального анализа и современного понимания временной

перспективы личности [27]. Цифровое поколение более чувствительно к обстоятельствам и динамике происходящих событий. Их цели ближе к настоящему времени и краткосрочны, что соответствует духу эпохи транзитивности. Гибкость в социальной среде и обращение к внутренним ресурсам можно трактовать как компенсаторную реакцию поколения Z на пролонгированную неопределенность нашего времени.

С целью содержательного анализа семейных ценностей представителей разных поколений мы сравнили шкалы методики МТЖЦ В. Ф. Сопова, Л. В. Карпушиной внутри жизненной сферы *семейная жизнь* у респондентов обеих групп (табл. 4). Ведущие позиции в иерархии ценностей в сфере *семейной жизни* у поколения Z принадлежат духовному удовлетворению, саморазвитию и сохранению индивидуальности. Для поколения Y в семейной жизни наиболее значимы ценности достижения, собственный престиж и саморазвитие. Вершина ценностной иерархии в сфере семейной жизни совпадает с общей системой жизненных ценностей поколения Y. У поколения Z содержание ценностей иерархии в сфере семейной жизни и общей иерархии жизненных ценностей совпадает, но отличаются их ранги.

Расчет критерия Стьюдента показал статистически значимые различия таких ценностей поколений Z и Y в сфере семейной жизни, как саморазвитие, духовное удовлетворение, активные социальные контакты, сохранение индивидуальности.

Табл. 4. Групповая иерархия ценностей респондентов в сфере семейная жизнь

Tab. 4. Group hierarchy of family life values

Шкала	Поколение Z		Поколение Y		t	p
	Среднегрупповой показатель	Групповой ранг	Среднегрупповой показатель	Групповой ранг		
Духовное удовлетворение	6,90	1	5,74	3	3,05	0,002
Саморазвитие	6,74	2	5,65	4	2,87	0,005
Сохранение индивидуальности	6,66	3	5,62	5	2,45	0,016
Активные социальные контакты	6,29	4	5,41	7	2,45	0,015
Высокое материальное положение	6,11	5	5,53	6	–	–
Достижения	5,80	6	6,47	1	–	–
Креативность	5,61	7	5,38	8	–	–
Собственный престиж	5,36	8	5,82	2	–	–

Представители поколения Z больше, чем Y, ценят духовную близость и взаимопонимание между членами семьи. Представители поколения Z достоверно выше ценят саморазвитие, что выражается в стремлении изменять черты своего характера, развивать себя в новой системе отношений, больше уделять внимание оценке своих особенностей и способностей, которые могут проявляться в семейной жизни. При этом представители поколения Z больше, чем Y, стремятся к сохранению собственной индивидуальности. У поколения Z ярче выражена потребность строить свою жизнь, опираясь на собственные взгляды, потребность в независимости, порой даже от членов семьи. Это объясняет стремление поколения Z к равноправию в семье, уважению и признанию каждого члена семьи как отдельной личности. Закономерной является достоверно более высокая ценность активных социальных контактов. Представители поколения Z стремятся структурировать взаимоотношения в семье, чтобы каждый занимал определенную социальную позицию. Они ценят активное словесное взаимодействие между членами семьи с целью улучшить понимание друг друга, такой же формат предпочитают и в воспитании. Способность адекватно доносить информацию значимым людям и членам семьи рассматривается молодыми людьми как естественный, важный и необходимый – инструментальный – навык оптимального взаимодействия в семье.

Заключение

Содержательные характеристики семейных ценностей поколения Z и поколения Y имеют сходства и различия – различия преобладают в сфере супружества и родительства, сходства – в сфере родства. Для поколения Z характерны приемлемость сожительства, тенденция к более позднему замужеству, сокращение разрыва между оптимальным возрастом для вступления в брак у мужчин и женщин, переход к эгалитарному типу семьи. Молодые люди хотят равного распределения родительских обязанностей между мужем и женой и выбирают демократический стиль воспитания детей. Наряду с предпочтением двухдетной модели семьи, у поколения Z возрастает желание иметь трех и более детей, а также противоположное ему желание – не иметь детей вообще. Мнение поколения Z показывает тенденцию к более позднему рождению ребенка для женщин – к 30 годам, что уравнивает возрастной аспект деторождения мужчин и женщин. В сфере родства сохраняется преобладание положительных и близких отношений с родителями и родственниками, большее внимание уделяется изучению своего рода.

В иерархии семейных ценностей поколения Z остается важным общение, искренность и открытость, т. е. в становлении семейных ценностей высока роль эмоционально-психологических факторов, а экономические и хозяйственно-бытовые факторы отходят на второй план. При этом молодые люди не настроены посвящать себя семье.

В иерархии жизненных сфер поколения Z первую позицию занимает сфера увлечений, за которой следует

семейная жизнь. Результаты исследований С. Ю. Моховой с участием подростковой выборки показали приоритет сферы семейной жизни у респондентов [20]. По данным А. А. Реана [10], Н. А. Журавлевой [23], ценность семьи занимает лидирующее положение у современных подростков и молодежи. Возможно, обнаруженный нами факт отражает специфику выборки, тем не менее он нуждается в дальнейшем изучении.

В общей иерархии жизненных ценностей поколения Z значимо выше ценность духовного удовлетворения, а значимо ниже – достижения, по сравнению с поколением Y. В иерархии ценностей сферы семейной жизни для интернет-поколения большее значение имеет духовное удовлетворение, саморазвитие и сохранение индивидуальности, активные социальные контакты. Таким образом, для поколения Z очевидна значимость эмоционально-психологического комфорта в семейной жизни и признание высоких духовных и нравственных ценностей, таких как любовь, взаимоуважение и саморазвитие.

В целом представители поколения Z менее категоричны в суждениях и более толерантны в социальном взаимодействии. Молодые люди принимают разные формы семейных отношений и поддерживают идею равноправия в семье. Все это отражает тенденцию общей гуманизации картины мира поколения Z, в том числе взаимоотношений в семье.

В контексте гуманизации ориентир поколения Z на духовно-нравственные ценности в семье вполне объясним и закономерен. Однако если брать во внимание тезис, что ценностью становится некий дефицит, можно предположить и другие источники формирования семейных ценностей современного поколения молодежи. Качество отношений молодых людей с родителями и родителей между собой, количество неглубоких контактов со сверстниками в социальных сетях, специфика образа жизни в городах (особенно крупных) обостряют потребность в духовной близости, которая обретает содержательную значимость для поколения Z.

На основании вышеизложенного нам представляется важным расставить соответствующие акценты в подготовке молодых людей к семейной жизни. Результаты исследований А. А. Реана подтверждают потребность молодежи в специальной подготовке к семейным отношениям, а неудовлетворение этой потребности отражено в противоречии между значимостью семьи и ростом разводов [10]. С нашей точки зрения, в подготовке к семейной жизни важно учитывать актуальное содержание семейных ценностей, ориентацию на супружеские отношения, удовлетворение духовного контакта, равноправие членов семьи и саморазвитие. Все это может стать основой родительской позиции молодых людей и способствовать решению демографической проблемы в нашей стране. Поддержка ценностей супружества и родства также укрепит ориентацию на родительство.

Мы видим два основных направления подготовки молодых людей к семейной жизни. Во-первых, учитывать потребность поколения Z в саморазвитии, важно развивать личностную зрелость – готовить к ответственности

и приоритету жизни во всех проявлениях. Ориентация молодых людей поколения Z на духовные ценности и социальные контакты может стать основанием для развития интереса к живому общению – к построению живого диалога и обретению душевной близости в собственной семье. Идея уникальности человеческих отношений, их ресурсность могут повышать ценность семьи как в лице актуального партнера, так и будущих детей. Во-вторых, следуя за тезисом А. А. Реана о том, что семья – это модель основного жизненного тренинга [10], важно поднимать уровень психологической культуры родителей подрастающего поколения. Выделенные нами ориентиры помогут

укрепить значимость родительства через обращение к ценностям супружества и родства у поколения Z, что в целом повысит интегрированность и жизнеспособность семьи в современных реалиях.

В заключение подчеркнем, что изучение особенностей системы семейных ценностей поколения Z является необходимым для анализа мер психолого-педагогического влияния на представителей поколения и определения наиболее эффективных и подходящих для молодежи форм и методов работы, применимых в условиях современного образовательного процесса и консультирования по вопросам супружеских и детско-родительских отношений в семье.

Литература

1. Аксюткина З. А., Озерова О. А. Представления молодежи сельского социума о семейных ценностях // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 5. С. 79–88. DOI: 10.26105/SSPU.2019.62.5.008
2. Вишневский Ю. Р., Ячменева М. В. Отношение студенческой молодежи к семейным ценностям (на примере Свердловской области) // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 125–141. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-125-141
3. Добряков И. В., Горьковая И. А., Микляева А. В. Изучение представлений о функциях семьи и о супружеских отношениях с помощью методики «Ассоциативный ромб» (на примере студенческой молодежи) // Сибирский психологический журнал. 2020. № 76. С. 78–90. DOI: 10.17223/17267080/76/5
4. Дорская А. А. Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 27–41. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-27-41
5. Оюнсүрэн Ж., Ермолаев В. В. Семейные ценности в психологии Российской и монгольской молодежи: кросскультурный анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2019. Т. 5. № 4. С. 65–72.
6. Локосов В. В. Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 3. С. 251–258. DOI: 10.31857/S086958732003010X
7. Лотова И. П. Системный подход к изучению семейных ценностей в современном российском обществе // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2015. № 5. С. 62–66.
8. Мжельская Е. В. Современные подходы к сущности понятия «Семейные ценности» // Самарский научный вестник. 2013. № 4. С. 113–116.
9. Сосновская Н. А. Трансформация семейных ценностей в современном обществе // Наука и инновации. 2015. № 9. С. 14–19.
10. Реан А. А. Семья в структуре ценностей молодежи // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 1. С. 62–76. DOI: 10.21702/trj.2017.1.4
11. Campbell S. M., Twenge J. M., Campbell W. K. Fuzzy but useful constructs: making sense of the differences between generations // Work, Aging and Retirement. 2017. Vol. 3. № 2. P. 130–139. DOI: 10.1093/workar/wax001
12. Parry E., Urwin P. The evidence base for generational differences: where do we go from here? // Work, Aging and Retirement. 2017. Vol. 3. № 2. P. 140–148. DOI: 10.1093/workar/waw037
13. Пищик В. И. Типологические и идентификационные признаки поколений // Российский психологический журнал. 2018. Т. 15. № 2. С. 215–236. DOI: 10.21702/trj.2018.2.9
14. Марцинковская Т. Д., Полева Н. С. Поколение эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. № 1. С. 24–37.
15. Микляева А. В., Постникова М. И. Социально-психологическая структура межпоколенческих отношений студенческой молодежи // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 114–126. DOI: 10.17759/sps.2019100209
16. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Система ценностных ориентаций «поколения Z»: социальные, культурные и демографические детерминанты // Сибирский психологический журнал. 2019. № 72. С. 46–67. DOI: 10.17223/17267080/72/3
17. Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2. DOI: 10.15838/ttdi.2018.2.42.6
18. Иванов М. С., Яницкий М. С. Мобильность как стратегия обеспечения личной безопасности в представлениях молодежи «поколения Z» // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд: сб. мат-лов III Междунар.

- трансдисциплинарной науч.-практ. WEB-конф. (Томск, 24–26 мая 2016 г.) Томск: ТГУ, 2017. С. 125–133. DOI: 10.17223/9785946216104/18
19. Ivanov M. S., Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Mobility as strategy of providing personal security in postmodern society // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Intern. Conf. on research paradigms transformation in social sciences. Tomsk, May 18–21, 2017. Future Academy, 2018. Vol. 35. P. 1187–1196. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.140
 20. Мохова С. Ю. Иерархия в системе жизненных целей у представителей X, Y и Z-поколений // Мир науки. 2017. Т. 5. № 2. Режим доступа: <http://mir-nauki.com/PDF/69PSMN217.pdf> (дата обращения: 20.09.2020).
 21. Яницкий М. С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 194–206. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
 22. Юревич А. В. Эмпирические оценки нравственного состояния современного российского общества // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 4. С. 168–179. DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10111
 23. Журавлева Н. А. Ценностные ориентации молодежи в условиях макросоциальных преобразований // Духовнонравственные проблемы современной личности / отв. ред. М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: ИП РАН, 2018. С. 299–321.
 24. Биан М. А., Григорьева Е. В., Хакимова Н. Р. Особенности духовно-нравственных ценностей студентов деонтологического профиля подготовки // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 1. С. 124–135.
 25. Арбатская Е. С., Дичина Н. Ю. Диагностика семейных дисфункций в приемной семье. Ангарск-Иркутск: УМЦ РСО, 2017. 44 с.
 26. Сопов В. Ф., Карпушина Л. В. Морфологический тест жизненных ценностей: Руководство по применению. Самара: Изда-во СамИКП – СНЦ РАН, 2002. 49 с.
 27. Яницкий М. С., Серый А. В., Прокопич О. А. Особенности временной перспективы личности представителей различных ценностных типов массового сознания // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 175–180.

original article

Specific Features of the Generation Z Family Values System

Elena V. Grigoryeva^{a, ID1}; Nuriya R. Khakimova^{a, @, ID2}

^a Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

@ khakimova@kemsu.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-9005-7494>

ID2 <https://orcid.org/0000-0002-4191-2220>

Received 24.09.2020. Accepted 16.11.2020.

Abstract: The research featured family values of the so-called Generation Z. The survey involved an authentic survey, S. S. Nosov's Family Values Questionnaire, and the Morphological Test of Life Values developed by V. F. Sopov and L. V. Karpushina. A comparative analysis proved that Generation Z and Generation Y have both similar and different views on family values. The sphere of marriage and parenting had more differences, while the sphere of kinship showed more similarities. Representatives of Generation Z appeared to accept the idea of cohabitation; they also tended to get married relatively late in life. The gap between the optimal age of marriage for men and women proved to be quite narrow, while the age of first childbirth for women approximated that of men. In general, Generation Z shifted to an egalitarian family type. Unlike Generation Y, members of Generation Z valued spiritual satisfaction and underestimated achievements. In the hierarchy of family life values, they focused on spiritual satisfaction, self-development, individuality, and active social contacts. The research results can be used in health and family life education programs.

Keywords: value orientations, family, family life, life spheres, generational theory, generation Y

For citation: Grigoryeva E. V., Khakimova N. R. Specific Features of the Generation Z Family Values System. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(4): 982–991. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-4-982-991>

References

1. Aksyutina Z. A., Ozerova O. A. Representations of young people of rural society on family values. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2019, (5): 79–88. (In Russ.) DOI: 10.26105/SSPU.2019.62.5.008
2. Vishnevsky Yu. R., Yachmeneva M. V. The attitude of student youth to family values (case study of the Sverdlovsk region). *The Education and Science Journal*, 2018, 20(5): 125–141. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2018-5-125-141
3. Dobriakov I. V., Gorkovaya I. A., Miklyaeva A. V. Representation of family functioning in marital relations using the "Associative rhombus" technique (students case study). *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2020, (76): 78–90. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/76/5
4. Dorskaya A. A. Family values as a subject of scientific discussion: main directions of studying family law in Russia at the present stage. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2019, (3): 27–41. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-27-41
5. Oyunsuren J., Ermolaev V. V. Crosscultural analysis of family values among Russian and Mongolian youth. *Uchenye zapiski Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 2019, 5(4): 65–72. (In Russ.)
6. Lokosov V. V. Population change in Russia: dynamics and socioeconomic risks. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2020, 90(3): 251–258. (In Russ.) DOI: 10.31857/S086958732003010X
7. Lotova I. P. A systematic approach to the study of family values in the modern Russian society. *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnik UMO*, 2015, (5): 62–66. (In Russ.)
8. Mzhelskaya E. V. The modern approaches to the idea of family values. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 2013, (4): 113–116. (In Russ.)
9. Sosnovskaya N. A. The transformation of family values in the modern Belarusian society. *The Science and Innovations*, 2015, (9): 14–19. (In Russ.)
10. Rean A. A. A family in the structure of values of young people. *Russian Psychological Journal*, 2017, 14(1): 62–76. (In Russ.) DOI: 10.21702/rpj.2017.1.4
11. Campbell S. M., Twenge J. M., Campbell W. K. Fuzzy but useful constructs: making sense of the differences between generations. *Work, Aging and Retirement*, 2017, 3(2): 130–139. DOI: 10.1093/workar/wax001
12. Parry E., Urwin P. The evidence base for generational differences: where do we go from here? *Work, Aging and Retirement*, 2017, 3(2): 140–148. DOI: 10.1093/workar/waw037
13. Pishchik V. I. Typological and identifying characteristics of generations. *Russian Psychological Journal*, 2018, 15(2): 215–236. (In Russ.) DOI: 10.21702/rpj.2018.2.9
14. Martsinkovskaya T. D., Poleva N. S. Generations of the era of transition: values, identity, communication. *Mir psikhologii*, 2017, (1): 24–37. (In Russ.)
15. Miklyaeva A. V., Postnikova M. I. A socio-psychological structure of intergenerational relationships of students. *Social Psychology and Society*, 2019, 10(2): 114–126. (In Russ.) DOI: 10.17759/sps.2019100209
16. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. The value orientations system of Generation Z: social, cultural and demographic determinants. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2019, (72): 46–67. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/72/3
17. Kulakova A. B. Generation Z: theoretical aspect. *Territorial Development Issues*, 2018, (2). (In Russ.) DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.6
18. Ivanov M. S., Yanitskiy M. S. Mobility as a strategy of personal security in perceptions of generation Z. *Digital nomadism as a global and Siberian trend: Proc. III Intern. Transdisciplinary WEB-Conf., Tomsk, May 24–26, 2016*. Tomsk: TGU, 125–133. (In Russ.) DOI: 10.17223/9785946216104/18
19. Ivanov M. S., Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Mobility as strategy of providing personal security in postmodern society. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Intern. Conf. on research paradigms transformation in social sciences*, Tomsk, May 18–21, 2017. Future Academy, 2018, vol. 35, 1187–1196. DOI: 10.15405/epsbs.2018.02.140
20. Mokhova S. Yu. Hierarchy in purpose-in-life system of the generations X, Y, Z. *Mir nauki*, 2017, 5(2). Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/69PSMN217.pdf> (accessed 20.09.2020). (In Russ.)
21. Yanitskiy M. S. System of value orientations of personality and social communities: structural and dynamic model and its application in psychological research and psychological practice. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 194–206. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-194-206
22. Yurevich A. V. Empirical estimates of modern Russian society's morals. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, 2018, (4): 168–179. (In Russ.) DOI: 10.24411/1813-145X-2018-10111
23. Zhuravleva N. A. Valuable orientations of youth in the conditions of macrosocial transformations. *Spiritual and moral problems of the modern personality*, eds. Volovikova M. I., Zhuravlev A. L., Yurevich A. V. Moscow: IP RAN, 2018, 299–321. (In Russ.)

24. Bilan M. A., Grigoryeva E. V., Khakimova N. R. Specific features of spiritual and moral values of students of the deontological direction of education. *Professional education in Russia and abroad*, 2019, (1): 127–135. (In Russ.)
25. Arbatskaia E. S., Dichina N. Iu. *Diagnostics of family dysfunctions in a foster family*. Angarsk-Irkutsk: UMTs RSO, 2017, 44. (In Russ.)
26. Sopov V. F., Karpushina L. V. *Morphological test of life values: application guide*. Samara: Izd-vo SamIKP – SNTs RAN, 2002, 49. (In Russ.)
27. Yanitskiy M. S., Seryy A.V., Prokonich O. A. Peculiarities of personality temporal perspective among representatives of different value types of mass consciousness. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*, 2012, (2): 175–180. (In Russ.)